
pocket**book**

rocket**book**

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

МОСКВА
2016

УДК 294.3
ББК 86.35
Т39

Оформление серии *Андрея Саукова*

Перевод *Андрея Боченкова*

Т39 **Тибетская «Книга Мертвых».** Бардо Тхёдол. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-87759-1

Тибетская «Книга Мертвых» — по-тибетски «Бардо Тхёдол», или «Освобождение через слушание на уровне после смерти», — уникальна среди священных книг мира. Этот трактат основан на оккультных знаниях философии йоги и являет собой квинтэссенцию основных доктрин буддизма Махаяны.

Подобно египетской «Книге Мертвых», «Бардо Тхёдол» призвана служить мистическим путеводителем по потустороннему миру, полному множества иллюзий и сфер, чьими границами являются смерть и рождение. В ней описаны психические явления, происходящие в момент смерти, так называемые «кармические иллюзии», а также возникновение инстинкта рождения и события, предвещающее новое рождение. Трактат, написанный много веков назад и хранившийся многими поколениями святых и пророков благословенной Земли Снежных Вершин, был открыт Западу в XX веке и самым удивительным образом предвосхитил учение аналитической психологии Карла Юнга, чья статья, посвященная тибетской «Книге Мертвых», предвещает наше издание.

УДК 294.3
ББК 86.35

© Предисловие. Издательство «Око», 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-87759-1

ООО «Издательство «Э», 2016

**ТИБЕТСКАЯ
КНИГА МЕРТВЫХ**

Психологический комментарий
доктора К. Г. Юнга

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ДОКТОРА К.Г. ЮНГА

Прежде чем приступить к психологическому комментарию, я бы хотел сказать несколько слов о самом тексте. Тибетская «Книга Мертвых», или «Бардо Тхёдол», — это книга наставлений для умерших и умирающих. Подобно египетской «Книге Мертвых», она предназначена в качестве руководства для умершего человека во время его существования в периоде Бардо, символически описываемого как промежуточное состояние между смертью и перерождением, которое длится сорок девять дней. Текст делится на три части. Первая часть, называемая «Чикхай Бардо», описывает психические явления, происходящие в момент смерти. Вторая часть, или «Чёнъид Бардо», рассказывает об иллюзорном состоянии, которое наступает сразу после смерти, а также о так называемых «кармических иллюзиях». Третья часть, или «Сидпа Бардо», связана с возникновением инстинкта рождения и событиями, предваряющими новое рождение. Показательно, что высшее понимание и озарение, а следовательно, и наилучшая возможность обрести освобождение возникают непосредственно во время процесса умирания. Вскоре после этого начинаются «иллюзии», которые

в конце концов приводят к реинкарнации; свет озарения становится все слабее, его вариации — более разнообразными, а видения — все более и более устрашающими. Такая последовательность отражает постепенный процесс отчуждения, удаления сознания от освобождающей истины по мере его приближения к физическому перерождению. Цель этих наставлений состоит в том, чтобы обратить внимание умершего человека, на каждой из последовательных стадий возникновения иллюзий и вызывающих смятение обстоятельств, на постоянно существующую возможность обрести освобождение, и разъясняет ему природу его видений. Текст «Бардо Тхёдол» читается вслух ламой над телом умершего.

Вряд ли я смог бы лучше выразить свою благодарность двум переводчикам «Бардо Тхёдол», покойному ламе Кази Дава-Самдуну и д-ру Ивэнсу-Вентцу, нежели попытавшись с помощью психологического комментария сделать несколько более понятным для западного ума величественный мир идей и проблем, содержащихся в этом трактате. Я уверен, что любой, кто, взяв в руки эту книгу, отнесется к ней без предубеждения и воспримет ее идеи, будет щедро вознагражден.

Изданный в 1927 году перевод «Бардо Тхёдол», который ее редактор д-р У. Й. Ивэнс-Вентц весьма удачно назвал «Тибетской Книгой Мертвых», вызвал немалый ажиотаж в англоязычных странах. Эта книга относится к того рода сочинениям, которые представляют интерес не только для специалистов в области буддизма махаяны, но также,

благодаря своей глубокой человечности и еще более глубокому проникновению в тайны человеческой души, обладают особой притягательностью для обычных людей, стремящихся расширить свои знания о жизни. В течение многих лет со дня своей первой публикации, «Бардо Тхёдол» была моим постоянным спутником, и ей я обязан не только многими плодотворными идеями и открытиями, но также пониманием многих фундаментальных вещей. В отличие от египетской «Книги Мертвых», о которой всегда хочется сказать или слишком много, или слишком мало, «Бардо Тхёдол» предлагает четкую и понятную философию, адресованную скорее нормальным людям, нежели богам или первобытным дикарям. Ее философия вобрала в себя квинтэссенцию буддийской психологической мысли; и можно по праву сказать, что в качестве таковой она, бесспорно, превосходит все остальное. Не только «гневные», но и «мирные» божества предстают как сансансарические проекции человеческой *психе*, что кажется слишком очевидным для просвещенного европейца, поскольку напоминает ему о собственных упрощенных представлениях. Но, несмотря на то, что европейец может с легкостью признать эти божества проекциями, он в то же время был бы совершенно неспособен считать их реальными. «Бардо Тхёдол» может это сделать, поскольку некоторые из ее основных метафизических посылок дают ей преимущество как перед просвещенным, так и непросвещенным европейцем. Между строк «Бардо Тхёдол» постоянно проглядывает мысль о том, что

все метафизические утверждения имеют характер антиномий, и в то же время идея качественного различия между различными уровнями сознания и обусловленными ими метафизическими реальностями. Эта необычная книга основана не на скупом европейском «или-или», но на величественно утвердительном «и-и». Данное утверждение может показаться спорным для западного философа, ибо Запад любит ясность и недвусмысленность; соответственно, один философ цепляется за положение «Бог есть», в то время как другой в равной степени фанатично цепляется за противоположное — «Бога нет». Что бы сказали друг другу эти непримиримые братья о следующем утверждении:

«Осознавать, что пустота собственного разума — есть состояние будды, и понимать, что это твое собственное сознание, значит пребывать в [состоянии] божественного разума Будды».

Боюсь, что такое утверждение настолько же неприемлемо для нашей западной философии, как и для теологии. Мировоззрение, представленное в «Бардо Тхёдол», в высшей степени психологично; а у нас философия и теология все еще находятся на средневековой, допсихологической стадии, когда слушают, объясняют, защищают, критикуют и оспаривают только сами утверждения, в то время как авторитеты, делающие эти утверждения, находятся вне критики по умолчанию.

Однако метафизические утверждения — это *высказывания психе*, и, следовательно, относятся к области психологии. Для западного ума, который компенсирует свое всем известное нетерпи-

мое отношение к иному мнению рабской заботой о «рациональных» объяснениях, эта очевидная истина или кажется слишком очевидной, или же рассматривается как недопустимое отрицание метафизической «истины». Всякий раз, когда западный человек слышит слово «психологический», оно всегда звучит для него как «только психологический». Для него «душа» — это нечто ничтожно маленькое, нестоящее, личное, субъективное и много чего еще. Поэтому он предпочитает использовать слово «разум», хотя, в то же время, предпочитает делать вид, что утверждение, которое может, на самом деле, быть, действительно, весьма субъективным, создается «разумом», причем даже «Вселенским разумом», а в крайнем случае и самим «Абсолютом». Это довольно смехотворное допущение, вероятно, является компенсацией ничтожной малости души. Создается впечатление, что Анатолий Франс был прав в отношении всего западного мира, когда в своем «Острове пингвинов» дал такой совет Богу устами Екатерины Александрийской: «*Donnez leur une ame, mais une petite*!» — «Дай им душу, но маленькую!»

Именно душа, посредством заключенной в ней божественной созидающей силы, делает метафизическое утверждение; она постулирует различия между метафизическими сущностями. Она не только является необходимым условием всей метафизической реальности, но и есть эта реальность.

Именно с этой великой психологической истины начинается «Бардо Тхёдол». Эта книга —

не описание похоронного обряда, но комплекс наставлений для умершего, ведущих его через меняющиеся видения сферы *Бардо*, того состояния бытия, которое продолжается 49 дней после смерти до следующей инкарнации. Если мы пренебрежем вневременным характером души, каковой факт Восток признает как самоочевидный, то мы, как читатели «Бардо Тхёдол», сможем без труда поставить себя в положение умершего человека и внимательно подумать над мыслью из первой части, изложенной в общих чертах в приведенной выше цитате. Далее, отнюдь не самонадеянно, но учтиво произносятся следующие слова:

«О высокородный (такой-то), внемли. Сейчас ты ощущаешь Сияние Ясного света Чистой Реальности. Узнай его. О высокородный, твой теперешний разум², истинная природа которого есть пустота, который не имеет ни формы, ни цвета, ни свойств, пустой по природе своей, — и есть сама Реальность, Всеблагой Отец.

Твой собственный разум сейчас есть пустота, но пустота сия не есть пустота ничего, но истинно разум, незамутненный, сияющий, волнующий и блаженный — само сознание, Всеблагой Будда.

Твой собственный разум, который сейчас пустота, но не пустота ничего, а сам разум, незасоренный, сияющий, волнующий и блаженный, и есть само сознание, Всеблагой Будда».

Осознание этого есть состояние совершенного просветления Дхармакайи; или, говоря нашим собственным языком, творческая основа всех метафизических суждений — сознание как невиди-

мое, неосязаемое проявление души. «Пустота» — это состояние, стоящее над любыми суждениями и утверждениями. Вся полнота ее различных проявлений все еще скрыта в душе».

Далее следует:

«Твое собственное сознание, сияющее, пустое и неотделимое от Великого Тела Сияния, не знающее ни рождения, ни смерти, и есть Неизменный Свет — Будда Амитабха».

Душа [или, как здесь, собственное сознание человека] совершенно очевидно является не чем-то малым, но самым сияющим божеством. Запад находит это утверждение или слишком опасным, если не откровенно богохульным, или же бездумно соглашается с ним, после чего его буквально распирает от теософической напыщенности. Так или иначе, мы всегда используем неверный подход в такого рода вопросах. Но, если мы сможем в достаточной степени совладать с собой и удержаться от своей главной ошибки, заключающейся в постоянном желании что-то сделать с тем, что нам достается, и найти ему практическое применение, возможно, нам удастся извлечь из этих учений важный урок, или, по крайней мере, оценить величие «Бардо Тхёдол», которое дарит умершему человеку абсолютную, высшую истину о том, что даже боги — это лишь сияние и отражение наших собственных душ. От этой истины солнце для человека Востока не померкло бы, в отличие от христианина, который бы ощутил, что у него отняли Бога, не понимая, что его душа — это свет Божества, а Божество — есть душа. Восток легче

воспринимает этот парадокс, чем несчастный Ангелус Силезский, который в психологическом отношении, даже по сегодняшним меркам, далеко опережал свое время.

То, что «Бардо Тхёдол» разъясняет умершему человеку примат души, в высшей степени разумно, ибо это единственное, чего мы не можем узнать на основании жизненного опыта. Мы настолько окружены и завалены вещами, которые воспринимаем как «данное», что даже не имеем возможности задаться вопросом о том, кем же, собственно, они «даны». Именно от этого мира «данных» вещей и избавляется умерший человек; и цель наставлений — помочь ему обрести это избавление, освободиться. Поставив себя на его место, мы извлекаем из этих наставлений не меньшую пользу, ибо с самых первых абзацев узнаем, что «дающий» все «данные вещи» обитает внутри нас самих. Это истина, которая, вопреки всем очевидным фактам, содержащимся как в самых великих вещах, так и в самых малых, остается непознанной, хотя зачастую нам чрезвычайно необходимо, просто жизненно важно ее знать. Такое знание, безусловно, пригодно только для созерцателей, тех, кто стремится познать смысл существования, для тех, кто по своему складу является гностиком, и, следовательно, верит в спасителя, который, подобно спасителю мандейцев, называет себя «гнозисом жизни» (*manda d'hajie*). Возможно, многим из нас не дано увидеть мир как нечто «данное». Необходимо значительно поменять свою точку зрения, что требует определенных жертв, прежде чем мы смо-

жем увидеть мир как «данный» самой природой души. Настолько проще, драматичнее, интереснее и, следовательно, убедительнее взгляд на самого себя как на объект действия, чем на его субъект. В реальности, животная природа человека не позволяет ему взглянуть на себя как на творца того, что его окружает. Именно по этой причине попытки такого рода всегда были объектом тайных обрядов посвящения, как правило, кульминацией которых становилась символическая смерть, символизирующая глобальный характер такого изменения в мировосприятии. В сущности, наставления, даваемые в «Бардо Тхёдол», служат для того, чтобы напомнить умершему человеку о том, что происходило с ним во время инициации и о том, чему учил его гуру, ибо наставление, по сути, есть не что иное как посвящение умершего в жизнь *Бардо*, точно так же, как посвящение живого было подготовкой к потусторонней жизни. По крайней мере, так обстояло дело со всеми мистическими культами в древних цивилизациях со времен египетских и элевсинских таинств. Однако в обряде инициации этот «потусторонний мир» — это не мир за гранью смерти, но полное изменение стремлений и представлений ума, психологический «потусторонний мир», или, на языке христианства, «спасение» от сетей мира и греха. Спасение — это отделение и освобождение от прежнего состояния темноты и бессознательности, которое ведет к состоянию просветленности и освобожденности, к победе и возвышению над всем «данным».